

А. С. Хачатрян<https://orcid.org/0009-0008-8653-3698>✉ khachatryan.anzhelika@list.ru

Институт древних рукописей им. Месропа
Маштоца (Матенадаран)
(Армения, Ереван)

ПЕРЕВОД «ЗОЛОТОЙ КНИГИ» АНТОНИО ДЕ ГЕВАРЫ НА АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК: ТОЧНОСТЬ, СТРАТЕГИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ армянского перевода произведения Антонио де Гевары «Золотая книга Марка Аврелия» (*Libro áureo de Marco Aurelio*), выполненного Габриэлем Амазаспяном и изданного в Венеции в 1738 г. Исследование направлено на сопоставление оригинального испанского текста и армянского перевода с целью выявления степени точности, переводческой стратегии и возможных элементов художественного переосмысления. Особое внимание уделяется синтаксической калькировке, передаче риторических конструкций, морфологическим инновациям латинизированного грабара и культурным адаптациям. Анализ подтверждает отсутствие существенного художественного вымысла и демонстрирует ориентацию переводчика на максимально буквальное, но стилистически адаптированное воспроизведение источника. В статье также рассматривается историко-культурный контекст XVIII в, роль армянского купеческого сословия в трансляции европейской интеллектуальной традиции и значимость перевода Гевары для формирования светской армянской литературы.

Ключевые слова: Антонио де Гевара, «Золотая книга», армянский перевод, Габриэл Амазаспян, грабар, латинизированный армянский, синтаксическая калька, художественный вымысел, переводческая стратегия

Для цитирования: Хачатрян А. С. Перевод «Золотой книги» Антонио де Гевары на армянский язык: точность, стратегия и особенности передачи художественного повествования // Шаги/Steps. Т. 12. № 1. 2026. С. 327–352. EDN: ZADMHO.

Поступило 11 сентября 2025 г.; принято 29 января 2026 г.

A. S. Khachatryan

<https://orcid.org/0009-0008-8653-3698>

✉ khachatryan.anzhelika@list.ru

Mesrop Mashtots Institute of Ancient Manuscripts
(Matenadaran)
(Armenia, Yerevan)

TRANSLATION OF ANTONIO DE GUEVARA'S *LIBRO ÁUREO* INTO ARMENIAN: ACCURACY, TRANSLATION STRATEGY AND THE RENDERING OF NARRATIVE ARTISTRY

Abstract. This article examines Armenian translation of Antonio de Guevara's *Libro áureo de Marco Aurelio*, produced by the Armenian merchant Gabriel Hamazaspyan and published in Venice in 1738. The study offers a detailed comparative analysis of the Spanish original and the Armenian translation with the aim of assessing the degree of textual accuracy, identifying the translator's dominant strategies, and determining whether the translation involves narrative reinterpretation or artistic reworking. Particular attention is paid to syntactic calquing, the preservation of rhetorical and epistolary structures, and the use of morphological and lexical innovations characteristic of Latinized Grabar. The analysis demonstrates that Hamazaspean consistently prioritizes functional equivalence and formal correspondence, reproducing the syntactic complexity and rhetorical cadence of the source text with remarkable precision. Cultural adaptation is limited and primarily pragmatic, serving didactic clarity rather than ideological transformation. No evidence of independent narrative invention or creative rewriting is observed. The article situates the translation within the broader intellectual context of the Armenian Enlightenment and the activities of Armenian merchant communities, which played a crucial role in the transmission of European moral and philosophical literature. By integrating a key work of Spanish Renaissance humanism into the Armenian literary tradition, Hamazaspean's translation contributed to the formation of secular prose and the expansion of moral-didactic discourse in eighteenth-century Armenian culture. The study thus highlights the translation as both a philologically rigorous undertaking and a significant act of cultural mediation between early modern European and Armenian intellectual traditions.

Keywords: Antonio de Guevara, *Libro áureo*, Armenian translation, Gabriel Hamazaspean, Grabar, Latinized Armenian, syntactic calque, narrative fidelity, translation strategy

To cite this article: Khachatryan, A. S. (2026). Translation of Antonio de Guevara's *Libro áureo* into Armenian: Accuracy, translation strategy and the rendering of narrative artistry. *Shagi / Steps*, 12(1), 327–352. EDN: ZADMHO. (In Russian).

Received September 11, 2025; accepted January 29, 2026

Исследование армяно-испанских литературных контактов в раннее Новое время представляет собой одно из наименее разработанных направлений сравнительного литературоведения. Несмотря на то что европейская философская проза XVI в., ориентированная на античное наследие, и процессы формирования светской армянской литературы XVIII столетия в целом достаточно хорошо изучены, конкретные механизмы рецепции и адаптации этих традиций в рамках отдельных переводных текстов до настоящего времени остаются вне поля системного научного анализа. Особую значимость в данном отношении приобретает первый известный перевод испанского литературного произведения на армянский язык — «Золотая книга и сладкозвучные письма» (Գիրք ոսկեղէնի եւ թուրքը քաղցրալուրճ / *Girk' voskeghen ew t'ught'k' k'aghts'-ralurk'*)¹, выполненный армянским купцом Габриэлом Амазаспяном и изданный в Венеции в 1738 г. Это произведение представляет собой адаптацию текста Антонио де Гевары «Золотая книга Марка Аврелия» (*Libro áureo de Marco Aurelio*, 1528) — одного из наиболее влиятельных и обсуждаемых текстов раннего испанского гуманизма.

Оригинальное произведение Антонио де Гевары занимает в литературе XVI в. особое положение. С одной стороны, оно претендует на статус историко-нравственного трактата, восходящего к античной традиции «зерцал государей» (*specula principum*). С другой стороны, его структура, основанная на псевдоэпистолярной форме, а также многочисленные элементы художественной фикции позволяют рассматривать «Золотую книгу» как ранний образец ренессансной моральной прозы, сочетающей дидактические цели, придворную идеологию и литературное моделирование исторического прошлого.

Перенос столь сложного жанрового и идеологического текста в армянскую среду XVIII в. имеет важное культурно-историческое значение. Армянское Просвещение, развивавшееся в традиции католических учебных центров Венеции, Рима и Новой Джульфы, выработало особый тип латинизированного грабара, сочетающего древнеармянскую грамматику с лексикой и синтаксисом западноевропейской схоластической традиции. В этой интеллектуальной среде перевод Амазаспяна выступает не только как литературное явление, но и как акт культурного посредничества, формирующий новый тип светского чтения и ориентирующий армянского читателя на образцы европейской моральной философии.

Несмотря на явную значимость данного перевода, систематического исследования его структуры, переводческих стратегий и степени соответствия оригиналу до настоящего времени не предпринималось. Предыдущие исследования ограничивались его краткими упоминаниями в работах по армянской книжной культуре XVIII в., не затрагивая ни сравни-

¹ Транслитерация армянских слов дается по: Library of Congress Armenian Romanization Table (URL: <https://www.loc.gov/catdir/cpsd/romanization/armenian.pdf>).

тельного анализа текста, ни более общих вопросов рецепции испанской ренессансной моралистики в армянской среде.

Настоящее исследование направлено на восполнение указанного пробела.

Целью работы является анализ точности армянского перевода «Золотой книги» Антонио де Гевары (1738), выявление ключевых переводческих стратегий и определение степени точности интерпретации оригинала, включая использование буквальных, калькирующих и адаптирующих решений.

В задачи исследования входит следующее:

- 1) определение жанровой специфики оригинального текста и ее отражения в переводе;
- 2) анализ особенностей латинизированного габара как переводческого инструмента;
- 3) сопоставление структурных, морфологических и синтаксических элементов двух текстов;
- 4) выявление случаев культурной адаптации, интерпретации или отклонения;
- 5) оценка концептуального соответствия перевода идеологической и риторической модели Гевары.

В работе впервые предлагается комплексное сопоставительное исследование оригинала и армянского перевода с учетом особенностей ранней переводческой практики Нового времени, риторики и специфики армянской книжной традиции XVIII в. Полученные результаты позволяют уточнить место и роль данного перевода в истории армяно-европейских литературных контактов, а также оценить вклад Габриэла Амазаспяна в формирование идеологии светского просвещения в армянской диаспоре.

* * *

Антонио де Гевара (ок. 1480–1545) принадлежит к числу ключевых представителей испанского придворного гуманизма первой половины XVI в. Его литературная деятельность формировалась в условиях становления имперской идеологии двора Карла V, когда одновременно развивались традиции христианского морализма, ренессансной риторики и политической философии, ориентированной на античный образец «философа на троне». Гевара, будучи придворным проповедником (*predicador real*), придворным историографом (*cronista*) и воспитателем молодых инфантов, оказался в центре интеллектуальных процессов, определявших облик раннего испанского гуманизма.

Как отмечено в [Avalle-Arce 1962: 97–101, 128–132], Гевара в своих трудах ориентировался на практический аспект гуманистического знания, стремясь адаптировать античные модели поведения к реалиям имперской государственности XVI в. Его произведения, в особенности «Золотая

Титульная страница издания [Hamazaspean 1738]. Армянский гражданский шрифт, декоративная заставка; владельческие пометы и библиотечные штампы.
 Источник: Национальная Академия наук Республики Армения. Цифровая библиотека (Greenstone).

URL: http://greenstone.flib.sci.am/gsd/collect/armenian/Books/girq_voskexen/book

Title page of [Hamazaspean 1738]. Armenian civil script with decorative headpiece; ownership inscriptions and library stamps.

Source: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Digital library (Greenstone).
http://greenstone.flib.sci.am/gsd/collect/armenian/Books/girq_voskexen/book

книга» (1528) и последующее «Часы государей» (Reloj de príncipes, 1529), представляют собой характерный для испанской традиции синтез моральной философии, педагогики и политической риторики. Эти тексты были адресованы прежде всего юным членам королевской семьи, будущим властителям расширяющейся империи Габсбургов, и должны были служить своего рода «зеркалом государя», предлагая модели поведения, основанные на стоическом аскетизме, умеренности, справедливости и христианской добродетели.

Биография Антонио де Гевары наглядно демонстрирует, что его литературная деятельность была тесно связана со службой при императорском дворе и подчинялась актуальным идеологическим и политико-дискурсивным задачам испанской монархии первой половины XVI в. С одной стороны, он был обязан создавать тексты, формирующие идеологическое пространство империи, а с другой — обладал необходимой свободой для литературного эксперимента, характерного для жанрового синкретизма эпохи Возрождения. Его интерес к Марку Аврелию как к идеалу мудрого монарха сформировал концептуальный замысел «Золотой книги», где античный персонаж представлен одновременно как философ-стоик и правитель, воплощающий релевантный политическим задачам эпохи Карла V нравственный эталон. Подобная интерпретация не опиралась на реальные античные источники, а отражала стремление автора соединить античную мораль с ренессансной придворной этикой.

Критический анализ творчества Гевары, развивавшийся начиная со второй половины XVI в., выявил в его произведениях элементы фикции и псевдоисторизма. Как писал А. Редондо, современники, включая Хуана Луиса Вивеса, указывали на отсутствие достоверных античных документов, которым, по утверждению Гевары, он якобы следовал. Вивес, а также придворные историки Окампо и Пескадо обвиняли его в создании «ложных источников» (*fuentes fingidas*) [Redondo 1976: 112–118], что свидетельствует о раннем осознании литературной природы его текстов. Позднейшая историография [Blanco 1998: 475–502] трактует произведения Гевары как форму «моральной фикции» (*ficción moral*), в которой риторическая убедительность важнее исторической точности.

Широкая популярность «Золотой книги» в XVI в. объясняется именно этой двойственной природой: текст, не претендующий на строгую историческую точность, обладал высокой педагогической ценностью и соответствовал ожиданиям читателей эпохи Ренессанса, которые стремились к нравственно-назидательному чтению, сочетающему античную мудрость и христианскую этику. Известно, что между 1528 и 1600 гг. «Золотая книга» и ее переработанный вариант «Часы государей» выдержали несколько десятков изданий в Испании, Италии, Франции и Нидерландах, став одними из самых распространенных книг испанского происхождения в Европе.

Именно благодаря этой популярности и дидактической ориентации произведение Гевары оказалось привлекательным для армянской интеллигенции XVIII в., стремившейся интегрировать европейские моральные и философские образцы в формирующуюся светскую армянскую литературу.

Одним из наиболее дискуссионных аспектов «Золотой книги» является ее псевдоисторическая природа. Гевара заявлял, что опирался на неизвестные античные рукописи, найденные якобы в библиотеке монастыря Монсеррат, однако уже его современники подвергли это утверждение

сомнению. Но несмотря на то что Гевара воспринимался как писатель, который работал в русле *ficción histórica*, т. е. художественной реконструкции, основанной на риторических, а не документальных критериях, А. Редондо отмечает, что гуманизм предполагает освоение и надлежащее использование античных знаний с целью постижения подлинных Благих Наук, неотделимых от достоинства человека (цит. по [Castro Díaz 1980: 45–46]), таким образом выражая свое согласие с «методами» придворного проповедника императора Карла V.

Важную роль в общей композиции «Золотой книги» играет эпистолярная часть — 18 (в издании Амазаспяна — 17) писем, якобы написанных Марком Аврелием к различным адресатам. Эти письма представляют собой самостоятельные риторические миниатюры, объединенные общей темой нравственного самосовершенствования и управления государством. В традиции Возрождения письмо рассматривалось как форма дидактического диалога, и созданные Геварой фиктивные письма стали средством для изложения этических наставлений.

Для переводчика это означает необходимость учитывать не только буквальный смысл текста, но и его риторическую функцию. В армянском переводе Амазаспяна эпистолярная часть подвергается дополнительной структурной переработке: порядок писем нарушен, одно письмо отсутствует, а заголовки адаптированы. Это свидетельствует о том, что переводчик воспринимал эпистолярные фрагменты не как строгую историческую последовательность, а как нравственные эссе, допускающие реорганизацию материала без ущерба для их риторической эффективности и нравоучительной функции.

Перевод «Золотой книги» на армянский язык следует рассматривать не как изолированное явление, а как часть крупного и многоуровневого культурного процесса, связанного с развитием армянского Просвещения и формированием новой светской книжной традиции в XVIII столетии; как результат осознанного обращения к западноевропейскому гуманистическому наследию, адаптированному к интеллектуальным потребностям армянской диаспоры в Персии и Османской империи. В этот период армянская диаспора, находясь в плотном взаимодействии с интеллектуальными центрами Европы и Ближнего Востока, вырабатывала новые формы книжности, что привело к возникновению особого типа языка и литературного стиля, известного как латинизированный грабар [Hambardzumyan 2010: 4–6]. Этот язык стал одним из ключевых инструментов культурной трансмиссии, обеспечивая возможность перевода западноевропейских текстов, в том числе и произведений ренессансной моралистики.

В XVIII в. армянские общины Персии (Новой Джульфы), Османской империи и Венеции играли центральную роль в формировании культурных и интеллектуальных инициатив, направленных на модернизацию армянского общества. Армянские купцы, обладавшие доступом к раз-

личным торговым и образовательным центрам Европы, становились проводниками новых идей и литературных образцов. Именно в этой среде сформировалась традиция перевода западноевропейских произведений на армянский язык, что способствовало расширению тематического спектра армянской литературы, включившей философские, педагогические и исторические тексты.

Особую роль в процессе культурной трансмиссии сыграли армянские католические образовательные центры в Риме и Венеции, действовавшие под руководством Священной конгрегации пропаганды веры (*Sacra Congregatio de Propaganda Fide*). Их выпускники ориентировались на европейскую схоластическую традицию и активно участвовали в переводческой деятельности, привнося в армянскую книжность элементы латинской риторики, терминологии и синтаксиса. Именно в этой интеллектуальной атмосфере перевод Габриэла Амазаспяна получает свое естественное место как часть широкой программы интеллектуального обновления армянской диаспоры.

Габриэл Амазаспян (Գաբրիել Համազասպանի, примерно начало XVIII в. — после 1738) — характерный представитель армянской купеческой элиты раннего Нового времени, сочетавшей торговую деятельность, международную мобильность и глубокий интерес к европейской книжной культуре. Биографические сведения о нем ограничены; основным источником служит предисловие к его собственному переводу «Золотой книги и сладкозвучных писем», а также фрагментарные упоминания в исследованиях армянской диаспоры XVIII в. [Арамян 2016: 217–224; Aslanian 2011: 43]. Несмотря на скудность данных, контекст его жизни позволяет реконструировать интеллектуальный профиль переводчика-просветителя и определить его место в истории армянского Просвещения.

Амазаспян происходил из армянского купеческого рода, вероятнее всего связанного с торговыми центрами Восточной Армении и Персии. Армянские купцы этого периода играли ключевую роль в интеграции региональных экономик и поддерживали активные коммерческие связи с Европой, Россией, Персией, Османской империей, Индией и итальянскими городами. Их деятельность сопровождалась постоянными контактами с европейскими культурными центрами, что способствовало распространению книг, идей и образовательных практик.

Коммерческая мобильность армянских купцов создавала условия для учреждения школ, типографий и переводческих инициатив. Как показано в [Baiburduyan 2004: 148–154, 201; Bakhchinyan 2017: 23–45], в армянской диаспоре постепенно складывался особый тип образованного купца, объединявшего практическую предпринимательскую деятельность с интеллектуальными устремлениями. Амазаспян как переводчик полностью соответствует этой характеристике.

В предисловии к переводу Амазаспян указывает, что получил образование в католическом монастыре, где овладел испанским языком и по-

знакомился с произведениями западноевропейской книжной традиции. Эта деталь представляется исключительно важной, поскольку владение испанским языком среди армян XVIII в. было крайне редким, а доступ к испанской литературе был ограничен. Контакт с испанской книжной культурой был возможен лишь через международные католические образовательные центры, прежде всего через римские и венецианские школы Конгрегации пропаганды веры. Это обстоятельство в значительной степени объясняет выбор «Золотой книги» для перевода: произведение казалось чрезвычайно актуальным для задач просветительского реформирования армянской общины.

По свидетельству самого переводчика, он впервые познакомился с текстом Гевары случайно, обнаружив фрагменты неизвестной ему книги, которые произвели столь сильное впечатление, что он приложил значительные усилия, чтобы найти оригинал [Намазаспян 1738: 2–3]. В конечном итоге он обнаружил экземпляр «Золотой книги» во Флоренции, в собрании Козимо Медичи.

По его словам, книга открыла ему «мудрость», необходимую для формирования нравственного сознания современников. Эта формулировка имеет принципиальное значение: Амазаспян рассматривает перевод не как филологическую задачу, а как просветительскую миссию, ориентированную на воспитание «просвещенного поколения» в условиях национального подъема XVIII в. Выбор им текста обусловлен не только личными предпочтениями, но и идеологическими потребностями армянской диаспоры, переживавшей период активного культурного самоопределения.

Предисловие Амазаспяна позволяет реконструировать его переводческую позицию. Он подчеркивает два принципиальных момента.

1. Стремление к точности без буквальности. Он пишет: «Книга переведена не дословно, но каждое сильное слово передано словом такой же мощи» [Намазаспян 1738: 9–10]. Эта формулировка отражает понимание перевода как семантической и риторической эквивалентности, сочетающей точность содержания с адаптацией формы.

2. Идеологическая функция перевода. Переводчик ясно заявляет, что целью его труда было распространение среди армян «книги мудрости», необходимой для нравственного совершенствования народа. Это подчеркивает связь перевода с армянским Просвещением и формированием нового светского мировоззрения.

Амазаспян следует стратегии «функциональной эквивалентности», сочетающей буквальность на уровне синтаксиса и риторическую адаптацию на уровне дидактических структур.

Сравнение композиции «Золотой книги» Антонио де Гевары с армянским переводом Габриэла Амазаспяна демонстрирует, что переводчик стремился максимально сохранить структурную модель оригинала, однако допускает ряд отклонений, связанных прежде всего с особенностями

армянской книжной традиции XVIII в. и риторическими задачами перевода. Рассмотрим внешнюю и внутреннюю организацию двух текстов, фиксируя совпадения и различия, важные для общего понимания переводческого подхода Амазаспяна.

Оригинальное произведение Гевары включает следующие части: 1) Пролог (Prólogo) — введение, где автор определяет нравственную и политическую цель книги; 2) Первая книга (Libro I) — 48 глав, посвященных образу жизни, добродетелям и правлению Марка Аврелия; 3) Вторая книга (Libro II) — цикл из 19 писем, приписываемых Марку Аврелию и его окружению (эпистолярная часть).

Армянский перевод Амазаспяна состоит из следующих частей: 1) предисловие переводчика (вместо авторского пролога Гевары); 2) Первая книга (полностью соответствует 48 главам оригинала); 3) Вторая книга (включает 18 писем, одно письмо (Carta XIX) отсутствует); 4) предметный указатель (в оригинале отсутствует); 5) оглавление, специально составленное для издания 1738 г.). При этом, во-первых, заголовки глав в большинстве случаев сохраняют структуру оригинала; во-вторых, наблюдаются отдельные лексические адаптации, связанные с особенностями грабара; в-третьих, порядок писем во Второй книге существенно изменен.

Перестановка писем является наиболее заметным структурным отличием. Первое письмо оригинала — «Письмо I. Направленное императором Марком Катулу Цензорину...» (Carta I. Embiada por Marco Emperador a Catulo Censorino...) — в армянском переводе помещено под номером 8. Аналогично, второе письмо (Carta II) в армянской версии становится седьмым. При этом содержательная сторона писем не изменяется: смысл, риторика и структура фраз в целом соответствуют оригиналу. В армянском переводе отсутствует «Письмо XIX. Послание императора Марка Пирамону» (Carta XIX. Embiada por Marco Emperador a Pyramón...). Однако в любом случае отсутствие одного письма не нарушает целостности моральной структуры книги и не влияет на общую риторическую концепцию.

Одним из наиболее характерных отличий является включение оригинального предметного указателя [Намазаспеан 1738: 455–459], состоящего из десятков тематических рубрик на грабаре, среди которых «Мир полон зависти» (Ըի է աշխարհ նախանձով), «Польза чтения книг» (Օգուր ընթերցանութեան գրոց), «О друзьях» (Յարիսպի բարեկամաց) и др. Этот указатель, отсутствующий в испанском оригинале, соответствует традиции армянских печатных книг XVIII в. и выполняет функцию дидактического инструмента, позволяющего читателю находить моральные темы, а не только сюжетные элементы. Таким образом, Амазаспян адаптирует текст к чтению в рамках армянской морально-дидактической традиции, где предметный указатель выступает самостоятельным жанром.

При сравнении объема и распределения материала произведения мы получаем следующие совпадения:

1) общий объем текста в первой книге почти идентичен;
 2) частотность ключевых моральных тем сохраняется;
 3) эпизоды биографии Марка Аврелия переданы точно и подробно; —
 и отличия:

- 1) изменения заголовков, отражающие армянскую традицию номинации;
- 2) адаптация собственных имен (см. далее);
- 3) структурная перестановка писем;
- 4) отсутствие одного письма;
- 5) добавление указателя;
- 6) редакторские уточнения в некоторых главах.

Эти отличия не свидетельствуют о художественной переработке, а скорее отражают редакторские нормы армянских типографий, дидактические задачи армянской книжности и стремление переводчика облегчить тематическое восприятие текста для армянской аудитории.

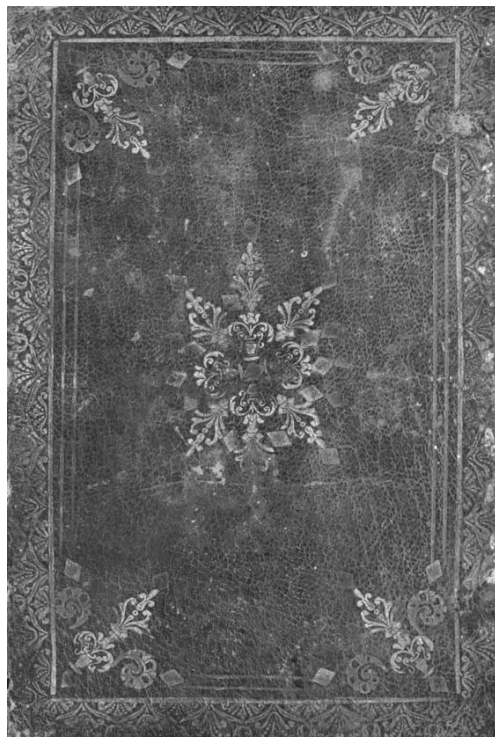
Лингвистическая организация армянского перевода «Золотой книги» демонстрирует высокую степень адаптации испанской языковой модели к нормам латинизированного грабара. Языковая стратегия Габриэла Амазаспяна сочетает буквальную передачу смысловых и риторических элементов с использованием морфологических и синтаксических средств, обеспечивающих максимально близкое соответствие формам выражения оригинала. Анализ текста показывает, что переводчик сознательно стремился воспроизвести языковые и дискурсивные особенности источника, применяя как традиционные армянские средства, так и элементы, заимствованные из латинско-итальянской письменной культуры.

Согласно исследованиям В. Амбардзюмяна [Hambardzumyan 2010: 150–152], в переводе Габриэла Амазаспяна можно выделить следующие искусственные грамматические формы, характерные для латинизирующего армянского.

1. Превосходная степень прилагательных с суффиксом *-egh*: *chshmartagunegh* ‘правдивейший’ [Hamazaspean 1738: 2], в то время как древнеармянский суффикс *-goyn*, который в классическом языке образовывал и сравнительную, и превосходную степень (различимые в контексте), был оставлен только для сравнительной степени.

2. Глагольная форма, сочетающая суффикс сослагательного наклонения *-its’* с окончанием прошедшего несовершенного: *units’ēin* ‘имели бы’, *srits’ēin* ‘заостряли бы’, *katarits’ēin* ‘совершали бы’ [Hamazaspean 1738: 3, 14, 21]. В латинизирующих переводах эта искусственная форма передавала опативное значение, ею переводились выражения типа *utinam amarem* («ах, если бы я любил!»). Напомним, что в классическом армянском глагол не имеет специальных форм опатива [Мурадян 2025: 230], в то время как в испанском языке форма опатива ярко выражена.

3. Так как в грабаре причастие прошедшего времени имело одну форму и могло иметь активное или пассивное значение, латинофилы, исполь-

Переплет издания [Hamazaspean 1738]: кожаный переплет с орнаментальным тиснением.
Источник: Национальная Академия наук Республики Армения. Цифровая библиотека (Greenstone).

URL: http://greenstone.flib.sci.am/gsd/collect/armenian/Books/girq_voskexen/book

Binding of [Hamazaspean 1738]: leather binding with ornamental tooling, showing traces of prolonged use.

Source: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Digital library (Greenstone).
http://greenstone.flib.sci.am/gsd/collect/armenian/Books/girq_voskexen/book

зовав возможности классического языка, выделили суффикс *-its'eal* для пассивного причастия, а суффикс *-ets'eal* — для передачи активного причастия прошедшего времени, либо, как в нашем случае, широко использовали искусственный суффикс *-ets'eal* как в активном, так и в пассивном значении: *apakanets'eal* 'испорченные', *zhoghovets'ealk' bazum mardikk' i gogat' learn Olimp'iu...* («множество людей, собравшись на вершине горы Олимп...») [Hamazaspean 1738: 15, 27].

4. При согласовании прилагательных с существительными переводчик буквально следует оригиналу. В классическом грабаре с существительными согласуется только постпозитивное прилагательное, тогда как в испанском языке согласуется как препозитивное, так и постпозитивное прилагательное. Переводчик же приводит именно испанскую модель со-

гласования: *keghtsavorets'ealk' imastunk' iwreants'* («их лицемерные мудрецы») [Hamazaspean 1738: 31].

5. Армянское слово *keank'* «жизнь» не имеет единственного числа. Но в переводе оно, как и в оригинале, всегда стоит в единственном: *kean*.

Римские имена на *-us* в переводе часто имеют грецизированное окончание *-os* (*Markos Aurelios, Antonios, Fulvios, Gayos Yulos, Trainaos, Brutos*) — такова армянская традиция, уходящая вглубь веков [Muradyan 2024: 215]. Однако некоторые имеют испанское обличье: *Anio Vero, Sesto* (Sextus?), *Marko Varon, Jeorjenito, Jeminio Komoto, Numa Pompilio, Paulo Emilio, Verosimo* [Hamazaspean 1738: 2, 4] и т. д. Встречаются также смешанные случаи: *Julios Kapitolino, Junios Rustiko, Ulpios Marino* [Ibid.: 6, 10] или вообще имена без окончаний: *Markanton* [Ibid.: 17].

Хотя Амазаспян переводил с испанского, видимо, в среде латинофилов было распространено итальянское произношение латыни, так что он пишет: *Montech'elio* (monte Celio), *Ch'ensor* (censor), *lach'edemonios* (lacedemonios), *Ch'ich'eron* (Cicerón), *Jeminos* (Geminius), *Ch'ipion* (Scipiones), *Ch'inna* (Cina). Напомню также, что «Золотая книга» вышла в Венеции, где печаталось много армянских книг, в том числе издания латинофильского литературного течения. Не исключено, что на месте кто-то ее отредактировал.

Кроме того, встречаются слова, в которых передано испанское [ts]: *Vespats'ianos, Domits'ianos*, ср. *Vespaciano, Domiciano*.

Мы провели сравнительный анализ соответствующих фрагментов VI главы «О преподавателях, которых император Марк пригласил для воспитания своих сыновей», попытавшись найти сходства и отличия в риторических приемах, лексические кальки, наличие или отсутствие морфологических синтаксических и стилистических соответствий, культурной адаптации.

Յաղագս վար[դա]յեւոսց, գորս էառ Մարկոս Կայսր առ ի գարբա[յա]ցուցանել գորդին իւր

Թէպէտ զբաղեալ էր սիրտն ծերունւոյն վասն մահուանն որդւոյն, սակայն ոչ էր այնքան զբաղեալ ցաւօք, որ մոռանայցէր զգուշութեամբ և բազում հոբրունակութեամբ զարգացուցանել զանդրանիկ որդին բարւոք, որ թագաւորելոց էր: Իրաւի այնպիսիք են որդիք արքայից ի չափ հասակի երիտարարդութեան, որպէս իցեն մնուցեալք ի դեռահասակ երեխայութեան: Ուրեմն ճանաչելով հայրն զապականեցեալ յնմումն կերպն և բարքն տղային, զի ոչ համապատասխանէր ի բարի կառավարութեանն կայսերականի, հրամայեաց կայսր բարի, յամենայն զաւանաց Բտալիոս կոչել առաւել գիտունս ի գիրս և առաւել անուանիս ի համբաւս, և առաւել առաքինիս ի յանելիս... [Hamazaspean 1738: 27].

Хотя сердце старика и было занято смертью сына, однако он не настолько отдавался скорби, чтобы забыть о хорошем развитии, с попечением и заботой, старшего сына, предназначенного к царствованию. Действительно, сыновья царей в молодые годы таковы, как бывают воспитаны в незрелом детстве. Итак, поскольку отец знал испорченные наклонности и нрав отрока, ибо он

не соответствовал доброму императорскому правлению, добрый император повелел созвать из всех областей Италии [людей], наиболее сведущих в вопросах литературы, и наиболее именитых славой, и наиболее благочестивых в делах...²

**De los ayos que tomava Marco Emperador para criar sus hijos,
y para esto mandó llamar todos los sabios de Italia**

Aunque estava occupado el corazón del viejo en la muerte del infante, no por eso tenía remontado el juicio para hazer criar muy bien al príncipe heredero. Por cierto, tales son los príncipes en la edad de hombres, quales fueron criados en la tierna edad de niños. Pues cognosciendo el padre que las corruptas inclinaciones del moço no avían de corresponder a la buena gubernación del Imperio, mandó el buen Emperador en toda Italia llamar los más sabios en letras, los más famosos en fama y los más virtuosos de hecho [Guevara 1528].

Результаты сопоставления отражены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Староиспанский	Древнеармянский	Комментарий (прием / способ перевода)
Aunque estava occupado el corazón del viejo en la muerte del infante	թէպէտ զբաղեալ էր սիրտն ծերունուն վասն մահուանն որդուն	Буквальный перевод: сохранены структура, метафора и образы.
no por eso tenía remontado el juicio	սակայն ոչ էր այնքան զբաղեալ ցաւօր	Смысловое замещение: рациональный образ «рассудок не помутился» передан через эмоцию: «не настолько отдавался скорби».
para hazer criar muy bien al príncipe heredero	զգուշութեամբ և բազում հոքսունակութեամբ զարգացուցանել զանդրանիկ որդին բարւոք	Перевод по смыслу с заменой конкретного термина: <i>príncipe heredero</i> → զանդրանիկ որդին ‘первенец’.
tales son los príncipes en la edad de hombres, quales fueron criados en la tierna edad de niños	իրաւի այնպիսիք են որդիք արքայից ի չափ հասակի երիտասարդութեան	Сокращение конструкции при сохранении логики рассуждения и смысловой целостности.

² Здесь и далее перевод мой.

Продолжение таблицы

Староиспанский	Древнеармянский	Комментарий (прием / способ перевода)
cognosciendo el padre que las corruptas inclinaciones del moço	ճանաչելով հայրն զապականեցեալ յնումն կերպն և բարքն տղային	Полностью совпадают грамматическая структура и метафорическая модель нравственной испорченности как «разложения / порчи», реализованная в испанском оригинале (<i>corruptas inclinaciones del moço</i>) и точно воспроизведенная в армянском переводе (ապականեալ <...> կերպն և բարքն).
no avían de corresponder a la buena gobernación del Imperio	զի ոչ համապատասխանէր ի բարի կառավարութեանն կայսերականի	Полная калька, включая термин «управление» (կառավարութիւն).
mandó el buen Emperador en toda Italia llamar los más sabios en letras, los más famosos en fama y los más virtuosos de hecho	իրամայեաց կայսր բարի, ի յաննայն զաւանաց Իտալիոյ կոչել առաւել գիտունս ի գիրս և առաւել անուանիս ի համբաւս, և առաւել առաքինիս ի յառնելիս	Перевод точно воспроизводит классическую риторическую фигуру т р и к о л о н а (tricolon crescens) с лексико-синтаксическим параллелизмом и семантическим нарастающим («ученость — слава — добродетель»), что свидетельствует о сознательном сохранении риторической модели оригинала.

Также следует отметить, что в некоторых случаях переводчик не переводит слово, а транслитерирует его. Так, в 11-м письме³, которое соответствует 12-му письму армянского перевода⁴, есть такое предложение:

³ «Письмо XI, написанное Марком-императором Ламберто, губернатору острова Геллеспонта, когда он изгнал мошенников из Италии» (Carta XI. Embiada por Marco Emperador a Lamberto, su governador en la isla de Hellesponto, quando desterró a los truhanes de Italia).

⁴ Առ Լամբրէթոս կառավարիչ, և նախարարն կղզւոյն Հէլէսպօնտոսի, յորժամ արտրեաց զկատակարկունս ի Հռօմայ.

En la ciudad de Orbita, <...> verás el sepulchro del famoso armeno, orador desterrado por Sylla [Guevara 1528].

...սոս ի տեսանել զգերեզմանսոս այդորիկ, ի քաղաքին Օրբիթայ ի մէջ <...> տեսցես զտապանն հորակաւոր Արմէնու ստեճարանին արսորեցելոյն ի Սիլլատ [Hamazaspean 1738: 385].

В городе Орбита <...> ты увидишь могилу знаменитого армянина, оратора, изгнанного Суллой.

Тут переводчик не использует армянское слово *hay* ‘армянин’, а транслирует испанское *armeno*.

В 46-й главе⁵, когда автор говорит о войне 94 г. до Рождества Христова, упоминается Армения:

Յամի հիմնադրութեանն Հռոմայ 659 և յամի Օլիմպիադէ 177 երթալով Լուկուլլոս Պատրիցիոս մեծագոյն բարեկամն Սիլլայի ի պատերազմ Միտրիդատու, հանդիպեալ ի Տիգրանակերտ քաղաքն քաղղէացոց, էգիտ անդ զարձանագիր մի, գրեցեալ ի վերայ պղնձի ի դռնն արքայի, յորում գրեցեալք էին, զորս ասէին, թէ իցէին քանդակեալք անդ ի վարպետէն Աղեքսանդրու մեծին... [Hamazaspean 1738: 251].

En el año de la fundación de Roma de DCLIX, en la olimpiada CLXXVII, yendo Lúculo Patriçio, el gran amigo de Sylla, a la guerra de Mithridates, aconteció que en Tigrano, ciudad de los caldeos, halló una lámina de cobre a la puerta del Rey, en la qual estaban unas letras, las quales dezían allí aver esculpido el maestro de Alexandro Magno [Guevara 1528].

В 659 году после основания Рима, в год 177-й Олимпиады, когда патриций Лукулл, великий друг Суллы, отправлялся в войну против Митридата, случилось так, что в Тигране, городе халдеев, он нашел у двери царя медную пластину, на которой были написаны слова, принадлежащие учителю Александра Великого (т. е. Аристотелю. — А. X).

В испанском оригинале город назван «Тигран», в армянском переводе — «Тигранакерт» — название столицы Тиграна Великого.

Сопоставление отдельных фрагментов испанского оригинала и армянского перевода позволяет оценить степень точности, характер эквивалентности и переводческие решения Амазаспяна. Анализ показывает, что переводчик отдает предпочтение функциональной буквальности, стре-

⁵ «Глава XLVI. О других более частных советах, которые император дал своему сыну Коммоду. Особо предостерегает его искать советов и не быть надоедливым в ведении дел, а также о том, что с этим связано» (Capítulo XLVI. De otros más particulares consejos que dio el Emperador a su hijo Cómmodo. Especial le avisa que se allegue a consejo y que no sea pesado en el negociar, y lo que trae cabe sí).

мясь к максимально точной передаче формально-смысловой структуры текста. Ниже представлены еще три показательных примера.

Фрагмент 1. Биографико-доксографический эпизод «О многообразии наук, усвоенных императором Марком Аврелием, и о письме, адресованном его другу Полиону» (Libro I. Cap. 3: De las muchas sciencias que aprendió Marco Aurelio Emperador, y de una carta que escribió a un amigo suyo llamado Polión).

Preguntado Xenophonte philó sopho de dos cosas cuál eligirían: ser simple y sublimado o ser sabio y abatido, respondió: «Yo tengo muy gran compassión al loco sublimado, y tengo muy gran embidia al sabio abatido, porque el sabio, sólo que le den el pie, subirá para no caer, y el loco, sólo que le dé un baibén la fortuna, caerá para no se levantar» [Guevara 1528].

Հարցեալ եղև Մէսօֆօնթէս փիլիսոփայէն, թէ ի մէջ երկուց իրաց զո՞րն իցէր ընտրելոց. ապիհնքն. լինիլ անսիտ վերիամբարձեալ, և բարձրացեալ, կամ լինիլ խելացի անկեալ, և ցածացեալ: Իսկ նա պատասխանեալ ասաց այսպէս. ես ունիմ զմեծագոյն ցաւակցութի վասն տգիտին վերացելոյ, և բարձրացելոյն. և ունիմ յոյժ զմեծագոյն նախանձ առ իմաստունն անկեալ, և ընկճեցեալ: Քանզի իմաստունն սիսպն թէ հարցի ոտիւք վեր ելանէ առ ի ոչ անկանի: Իսկ տգէտն սիսպն թէ փոքր ինչ զգացէ զփոփոխումն բախտին անկանի առ ի ոչ կանգնելոյ երբէք [Hamazaspean 1738: 12–13].

Философа Ксенофонта спросили, какую из двух вещей следовало бы предпочесть, а именно: быть неразумным, но возвысившимся и вознесенным, или быть разумным, но униженным и сломленным. Он же, отвечая, сказал так: «Я испытываю величайшее сострадание к невежде, возвысившемуся и вознесенному, и испытываю крайнюю, величайшую зависть к мудрому, униженному и подавленному». Ибо мудрый, стоит лишь ему подать опору для ног, взойдет вверх, дабы не пасть, а невежда, стоит лишь малейшему колебанию судьбы коснуться его, падет так, что уже никогда не сможет подняться.

Рассматриваемый биографико-доксографический фрагмент реализует каноническую композиционную модель *exemplum*, четко прослеживаемую как в испанском тексте, так и в армянском переводе. Фрагмент открывается формулой вопрошания философа (*Preguntado Xenophonte philó sopho... / Հարցեալ եղև Մէսօֆօնթէս փիլիսոփայէն...*), которая вводит фигуру античного автора как носителя знания. Далее следует постановка бинарной альтернативы: противопоставление «быть неразумным, но возвышенным» и «быть разумным, но униженным» (*ser simple y sublimado <...> ser sabio y abatido / լինիլ անսիտ վերիամբարձեալ <...> կամ լինիլ խելացի անկեալ...*). Ответ философа вводится стандартной апофтегматической формулой, характерной для доксографических и моралистических тек-

стов античности и раннего Нового времени, которая маркирует переход от повествовательной рамки к авторитетному изречению (*respondió / ւշտտաւիսանեալ լաւաց*), после чего разворачивается оценочное суждение, выстроенное на симметричном сопоставлении двух полюсов альтернативы, что находит прямое выражение в параллельной конструкции прямой речи философа: «Yo tengo muy gran compasión al loco sublimado, y tengo muy gran envidia al sabio abatido» / ես ունիմ զմեծագոյն ցաւակցութի վասն տգիտիս վերացելոյ <...> և ունիմ յոյժ զմեծագոյն նախանձ առ իմաստունն անկեալ...»

Аргументация получает причинно-следственное обоснование, маркированное союзами *porque / քաւնքի*, и опирается на минимальное внешнее условие, достаточное для спасения мудрого, — «подать опору для ног» (*le den el pie / հարցի նսիք*⁶). Завершается *exemplum* финальной антитезой, в которой устойчивость мудрого противопоставляется полной неустойчивости невежды, падающего при малейшей «перемене судьбы» (*baibén la fortuna / փոփոխութն քախիսին*), причем армянский текст эксплицитно усиливает мотив необратимости через добавление слова երբէք ‘никогда’. Тем самым совпадение всех композиционных маркеров *exemplum* в обоих языках свидетельствует о сознательном сохранении доксографической модели при переводе, тогда как риторические усиления армянской версии не нарушают исходную структуру, а подчеркивают ее дидактическую направленность.

Фрагмент 2. «Дидактическое рассуждение о пороках, от которых должны отстранить принцев их наставники, и о том, как хорошие родители должны воспитывать своих детей» (Libro I. Cap. 9. P. 18: De los vicios que han de apartar a los príncipes sus ayos, y cómo los buenos padres han de criar a sus hijos).

Mirad, amigos, bien, y no se hos olvide que oy se fia de vosotros la honra de mí, que soy su padre; y el estado de Cómmodo, que es mi hijo; y la gloria de Roma, que es mi naturaleza; y el assosiego del pueblo, que es mi súbdito; y la gobernación de Italia, que es vuestra patria; y sobre todo la paz y tranquilidad de nuestra república [Guevara 1528].

Հալեցարուք քարելկաւք քարիք, և մի մոռանալք, զի այսօր հաւատաւ ձեզ զպատիւն եմ, որ եմ հայր նորա, և զգուտութն Կօմոդոսի

⁶ Выражение *hարցի նսիք* формально допускает буквальное прочтение («получит удар ногой»), однако в данном контексте функционирует как метафорическая калька испанского идиоматического оборота *dar el pie* ‘подать опору’, ‘создать точку опоры’. В армянском переводе телесная образность оригинала сохраняется, но семантически переосмысливается в нравственно-аллегорическом ключе: «нога» выступает не как орудие физического воздействия, а как символ минимального условия или импульса, достаточного для восхождения мудрого и предотвращения падения. Такое прочтение обусловлено как логикой антитетического построения *exemplum*, так и параллелизмом с образом «падения» невежды при малейшем колебании судьбы.

որդոյն իմոյ, նաև զփառքն Հոսուայ, որ է բնական հայրենին իմ, զպատիին Բուսալիո, և զհանգիստն խաղաղութեան Հոսուայացոց, որք են հպատակ ինձ զկառավարութիւնն Բուսալիո, որ է հայրենին ձեր, ի վեր քան զամենայն զխաղաղութիւն և զանդորրութիւնն ժողովրդեան մերոյ [Hamazaspean 1738: 42].

Смотрите, друзья, внимательно и не забывайте: сегодня вам вверяются моя отцовская честь, образование моего сына Коммода, а также слава Рима как моей родины, спокойствие народа как моих подданных, управление Италией как вашей отчизной и, превыше всего остального, — мир и спокойствие нашего государства.

В испанском оригинале выделяются следующие стилистические особенности:

1) императив + обращение: *Mirad, amigos, bien* — характерный для Гевары риторический вызов (*captatio benevolentiae*);

2) анафорические параллели — повторение структур: *que soy su padre, que es mi hijo, que es mi naturaleza, que es mi súbdito, que es vuestra patria*; Гевара часто строит такие цепочки ради риторической торжественности;

3) градация от частного → к государственному → к высшему благу: отец → сын → Рим → народ → Италия → государство;

4) политико-моралистический тон, что характерно для жанра *speculum principis*.

В армянском тексте (фрагмент Հայեցարուք բարեկամք բարիք, և մի մոռնալալք, զի աշուր հաւատաւ ձեզ...) Амазаспян переводит почти дословно, но использует приемы латинизированного грабара.

Лексико-синтаксические и риторико-стилистические особенности перевода:

1) на лексическом уровне: используются форма *բարեկամք* — обращение (*vocativus*), функционально эквивалентное испанскому *amigos*, а также выражение *հաւատաւ ձեզ* (точная семантическая калька испанского *se fía de vosotros*); *el assosiego del pueblo* («спокойствие народа») переданы сочетанием *զհանգիստն խաղաղութեան Հոսուայացոց* («спокойствие мира (т. е. мира и покоя) римлян»), причем прием передачи значения слова *assosiego* двумя почти синонимичными словами («спокойствие мира») восходит к традиции ранних армянских переводов с греческого.

2) на синтаксическом уровне Амазаспян последовательно сохраняет периодическую организацию оригинала, воспроизводя развернутые синтаксические периоды с обилием однородных членов и подчинительных связей, оформленных союзами *և, զի, որ* и др.;

3) на риторико-стилистическом уровне переводчик сохраняет и усиливает ключевые приемы ораторской прозы Гевары — анафоры, параллелизмы и градацию в последовательном перечислении морально-нормативных наставлений, выстроенных в порядке риторического нарастания. В результате в армянском тексте торжественный и

церковно-книжный регистр распространяется на большую часть структурных компонентов высказывания, тогда как в испанском источнике он функционирует более локально.

Фрагмент 3. Эпистолярный фрагмент (Libro II. Carta I. P. 81 — в армянском переводе письмо № 8).

Los viejos más se han de preçiar de obras buenas que no de canas blancas, porque la honra por vida buena y no por cabeça blanca se ha de dar. Aquélla es gloriosa república, y fortunado el príncipe que es señor della, adonde ay iuventud para los trabajos y ançianidad para los consejos. Como se sustenta la naturaleza del vivir se ha de aver la policía en el gobernar, y es que ni todas las fructas vienen iunctas ni se acaban iunctas, sino que quando comiençan unas acaban otras, y de esta manera, vosotros doctrinando y nosotros obedesçiendo, como padres viejos y pollos nuevos en el nido del Senado, cayéndose las plumas a unos, ternán ya los cañones otros; y ansí, no pudiendo bolar los padres cansados, serán mantenidos por los hijos tiernos [Guevara 1528].

Ծերքն որք են ճշմարիտք ծերք, պարտին առաել պատուական համարել առ ի գործել զբարեգործությունս, քան թէ զսպիտակություն հերաց, զի պատին տուեցեալ լինի բարի կենաց, և ոչ հերացն սպիտակեցելոց: Այն է ժողովորդ փառաւորեցեալ, և բարեբախտ թագաւոր, որ տիրէ այնմիկ, ուր գոն տղայութիւնք վասն աշխատանաց և ծերութիւնք վասն խրատուց, և խորհրդակցութանց, որպէս զի կերակրիցի, և զարգանայցէ բնութիւն առ ի սպրի, տղնպէս ևս բարի քաղաքավարութիւն առ ի կառավարել ոչ թէ համայնք պտուղք գան համանգամայն ի միասին, և ոչ միանգամայն վերջանան ի միասին, եթէ ոչ ուր սկսի մինն, աւարտի միսն: Այսու կերպիս ղոք վարդապետելով. և մեք հնազանդելով ձեզ որպէս ձագք նորափետուրք հարցն ալևորեցելոց ի բունս ծերակուտին, անկանելով փետուրն միոյն, ունիցին տակաւին փետրուկս այլքն և այսպէս ոչ կարելով թոչիլ հարքն վաստակեցեալք, լինիցին պահպանեցեալք ի ձեռս որդւոյն դեռահասակաց: [Hamazaspean 1738: 336].

Старцы [в армянском добавлено: «которые истинные / настоящие старцы»] должны почитать за подлинное достоинство не седину, но благодеяния, ибо честь должна воздаваться за добродетельную жизнь, а не за поседевшую голову. То государство поистине славно [в армянском: «Тот народ славен, и тот государь благополучен»], кто владеет тем, что имеет юношей [букв. юность] для трудов и старцев [букв. старость] для наставлений и советов. Как для поддержания [в армянском: «питания и развития»] природы для жизни, так для правильной политики для управления не все плоды созревают одновременно и не все заканчивают свой жизненный цикл одновременно, но когда одни начинают, другие заканчивают; таким образом, вы обучая, мы же подчиняясь, как молодые птенцы седовласым родителям в гнезде Сената,

одни теряют перья, а другие уже имеют рога [в армянском: «а у других еще перышки»]; и, таким образом, не имея возможности летать, уставшие родители будут содержаться нежными детьми [в армянском: «юными сыновьями»].

В данном фрагменте можно выделить следующие переводческие и структурные особенности.

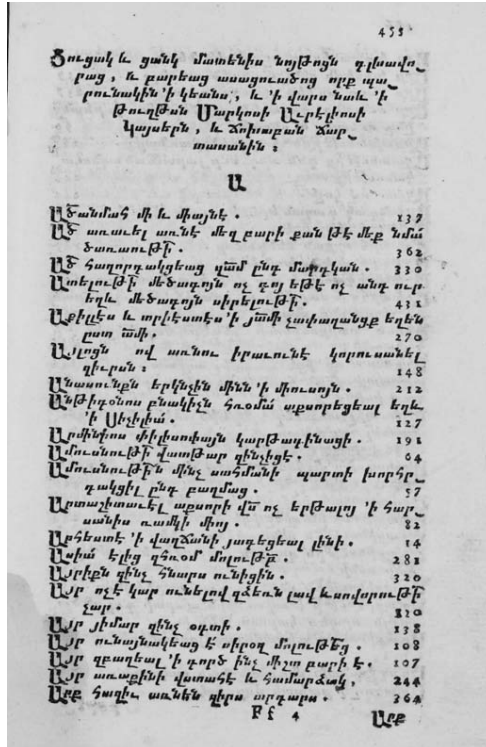
1. Сохранение моралистической максимы как композиционного ядра. Исходная формула *Los viejos más se han de preçiar de obras buenas que no de canas blancas* воспроизводится в армянском переводе с полной семантической эквивалентностью: Մերքն որք են ճշմարիտք ծերք, ցարսին արատի արտաշխատանքն համարել ար ի գործել գրարեգործութիւնս, քան թէ քաշխատութիւն հերաց. Сравнительная конструкция (*más <...> que no*) передана структурно тождественно (արատի <...> քան թէ), что свидетельствует о сохранении риторического баланса оригинала.

2. Экспликация этического основания чести. Испанское *la honra por vida buena y no por cabeza blanca se ha de dar* («честь должна воздаваться за добродетельную жизнь, а не за поседевшую голову») в армянском тексте передано как գի արտաշխատանքն տուցեալ ինի բարի կենաց, և ոչ հերացն արտաշխատելոց («ибо честь дается за благую жизнь, а не за побелевшие волосы»), тем самым понятие чести жестко соотносится с категорией нравственной жизни, что усиливает нормативно-этический вектор высказывания без изменения исходного смысла.

3. Сохранение бинарных оппозиций как риторического приема. Параллелизм *juventud para los trabajos y ancianidad para los consejos* воспроизведен в армянском переводе: ուր գնն տղայութիւնք վասն աշխատանաց և ծերութիւնք վասն խրատաց. Сознательное сохранение бинарной структуры характерно для моралистической аргументации Гевары.

4. Функциональная адаптация политической терминологии. Формула *poliçia en el governor* («гражданский порядок в управлении»), отражающая ранненовременное представление о гражданском порядке, в армянском тексте передана как բարի քաղաքավարութիւն ար ի կառավարել («благое гражданское устройство в управлении»). Здесь наблюдается микроадаптация: абстрактная категория политического порядка интерпретируется через понятие «благой гражданственности», соотносимое с христианским нормативным горизонтом армянской традиции.

5. Развернутая природная метафора и ее точное воспроизведение. Сравнение общественного устройства с естественным циклом плодоношения (*ni todas las fructas vien en iunctas ni se acaban iunctas*) в армянском переводе воспроизводится дословно: ոչ թէ համայնք արտուր քան համանգամայն ի միասին, և ոչ միանգամայն վերջանան ի միասին, եթէ ոչ ուր սկսի մինն, արտուր միւն. Сохраняется как образная ткань, так и аргументативная функция метафоры, служащей моделью социального и политического порядка.

Страница издания [Hamazaspean 1738: 455], предметный указатель тем с данными о пагинации; типографское оформление в традиции венецианского армянского книгопечатания. Указатель начинается с буквы Ա [a] и заканчивается буквой Ք' [k'].

Источник: Национальная Академия наук Республики Армения.

Цифровая библиотека (Greenstone).

URL: http://greenstone.flib.sci.am/gsd/collect/armenian/Books/girq_voskexen/book

Subject index from [Hamazaspean 1738: 455], listing subjects and pagination; typographic layout characteristic of Venetian Armenian printing. The index begins with the letter Ա [a] and ends with the letter Ք' [k'].

Source: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. Digital library (Greenstone). http://greenstone.flib.sci.am/gsd/collect/armenian/Books/girq_voskexen/book

6. Сохранение аллегории. Аллегорический образ *padres viejos y pollos nuevos en el nido del Senado* («старые отцы и молодые птенцы в гнезде Сената») передан в армянском тексте как *րիւլի ձաքք նրիւսիտոյրք հարցն ալորիցելոց ի րոնս ծերակուսիս* («подобно молодым птенцам — потомкам состарившихся отцов — в гнезде совета старейшин»). Термин *ծերակոյս* как эквивалент Сената засвидетельствован уже в самых ранних армянских переводах, в частности, в Библии, для перевода греческого *γεροσῳα* (1 Макк 12:6, 2 Макк 1:10, 4:44) или *πρεσβύτεροι* (1 Макк 11:23,

2 Макк 14:37) и подчеркивает идею преемственности власти и знания между поколениями.

Таким образом, анализ фрагмента показывает, что Амазаспян последовательно реализует стратегию точного и консервативного перевода. Сохраняются ключевые максимы, риторические параллелизмы и метафорические модели текста Гевары, что обеспечивает структурную и аргументативную эквивалентность перевода оригиналу, при этом отдельные микроадаптации способствуют актуализации нормативно-этического аспекта при сохранении исходной аргументативной структуры. Фрагмент наглядно демонстрирует функциональную эквивалентность армянского перевода испанскому оригиналу в рамках моралистической прозы XVIII в.

* * *

Сопоставительный анализ подтверждает общий вывод: перевод Амазаспяна является функционально эквивалентным, не содержит авторской художественной переработки и стремится к максимально точной передаче оригинального дискурса.

Стратегия Амазаспяна сочетает:

- буквальность (доминанта стратегии),
- синтаксическое и лексическое калькирование,
- минимальную культурную адаптацию,
- латинизацию отдельных терминов,
- малозначительные структурные изменения, обусловленные дидактикой.

Эта комбинация позволяет квалифицировать перевод как чрезвычайно точный, функционально соответствующий оригиналу и полностью лишенный художественной переработки содержания.

Одним из ключевых вопросов исследования является проблема художественного вмешательства переводчика. Изучение параллельных фрагментов не выявляет:

- включения новых сюжетов;
- введения дополнительных персонажей;
- изменения морального послания;
- переработки исторических эпизодов;
- авторских интерпретаций, изменяющих аргументацию Гевары.

Переводчик сохраняет структуру аргументации, дидактическую парадигму, эпистолярную форму и биографические элементы, что свидетельствует об отсутствии творческого вмешательства.

Важно отметить, что сам Гевара работает в рамках псевдоисторического дискурса, однако Амазаспян не усиливает и не ослабляет этот элемент. Он передает риторическую форму фикции, не преобразуя ее в новую ли-

тературную реальность. Это подтверждает, что его перевод функционирует как филологический акт, а не как литературная адаптация.

Перевод Амазаспяна демонстрирует строгий контроль над лексикой и синтаксисом. Даже при наличии культурных расхождений переводчик предпочитает сохранять испанскую риторическую структуру, вводя лишь минимальные коррективы.

Таким образом, точность перевода является не случайной особенностью, а результатом общего направления армянской переводческой мысли XVIII в.

Хотя перевод Амазаспяна отличается высокой точностью, анализ позволяет выделить некоторые адаптивные элементы, не нарушающие семантического содержания оригинала.

Перестановка писем и отсутствие одного письма обусловлены стремлением создать тематически упорядоченный корпус моральных наставлений.

Использование латинизированного гробара позволяет воспроизводить испанские грамматические и терминологические структуры без снижения ясности.

Термины, которые не имели точного соответствия в армянской культуре, нейтрализуются или заменяются общими понятиями (*խորհուրդ* 'совет', *ժողով* 'собрание'). Это адаптация прагматического характера, а не смысловая трансформация.

На основании всей совокупности данных можно сделать следующие выводы.

1. Перевод Амазаспяна отличается высокой степенью точности и демонстрирует минимальный уровень интерпретационного вмешательства.

2. Художественный вымысел отсутствует: переводчик не изменяет ни структуру моралистических рассуждений, ни эпистолярные формы, ни биографическую доксографию.

3. Адаптивные элементы носят исключительно функциональный характер и направлены на структурирование дидактического материала и облегчение навигации по тексту в рамках армянской книжной традиции XVIII в.

4. Риторическая структура оригинала сохраняется.

5. Текст отражает высокий уровень переводческой культуры и свидетельствует об интеграции испанской гуманистической традиции в армянскую интеллектуальную среду XVIII в.

Таким образом, перевод Амазаспяном «Золотой книги» следует рассматривать не только как точную языковую передачу текста Гевары, но и как важный документ культурного трансфера, отражающий процессы модернизации армянской книжной традиции и формирование новой светской интеллектуальной среды. Его анализ позволяет уточнить механизмы восприятия европейской гуманистической мысли в армянском мире

XVIII в. и выявить роль переводческих практик в становлении модернизирующейся армянской идентичности.

Источники

- Guevara 1528 — *Guevara A. de. Libro áureo de Marco Aurelio*. Sevilla: Juan Cromberger, 1528. [Цит. по электрон. републ.]: *Filosofía en español*. URL: <https://www.filosofia.org/cla/gue/guema.htm>.
- Hamazaspean 1738 — *Hamazaspean G. Girk' oskeghen ew t'ught'k' k'aghts'ralurk'* [Golden Book and Sweet-Sounding Letters]. Venice: Antonio Bartoli, 1738. (In Classical Armenian).

Литература

- Арамян 2016 — *Арамян А. Г. Габриел Амазаспян — переводчик «Золотой книги Марка Аврелия» (XVIII в.)* // *НН GAA Lraber hasarakakan gitut'yunneri* = Вестник общественных наук АН Армении. 2016. № 3. С. 216–225.
- Мурадян 2025 — *Мурадян Г. С. Армянская грамматика Ованнеса Крнеци († 1347) и ее латинские источники* // *Вопросы языкознания*. 2025. № 3. С. 130–144. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.3.130-144>.
- Aslanian 2011 — *Aslanian S. From the Indian Ocean to the Mediterranean: The global trade networks of Armenian merchants from New Julfa*. Berkeley: Univ. of California Press, 2011.
- Avalle-Arce 1962 — *Avalle-Arce J. B. Antonio de Guevara y la tradición humanista del siglo XVI* // *Revista de Filología Española*. Vol. 44. 1962. P. 97–132.
- Bakhchinyan 2017 — *Bakhchinyan A. The activity of Armenian merchants in international trade // Regional routes, regional roots? Cross-border patterns of human mobility in Eurasia* / Ed. by So Yamane, Norihiro Naganawa. Sapporo: Hokkaido Slavic-Eurasian Research Center, 2017. P. 23–29.
- Bayburtyan 2004 — *Bayburtyan V. International trade and Armenian merchants in the seventeenth century*. New Delhi: Sterling Publishers, 2004.
- Blanco 1998 — *Blanco E. Ficción, moral y retórica en Antonio de Guevara* // *Bulletin Hispanique*. Vol. 100. № 2. 1998. P. 475–514.
- Castro Díaz 1980 — *Castro Díaz A. La investigación histórica sobre Antonio de Guevara y la obra de Augustin Redondo* // *Cuadernos Hispanoamericanos*. Núm. 358. 1980. P. 45–75.
- Hambardzumyan 2010 — *Hambardzumyan V. Latinaban hayereni patmut'yun, 15–18-rd dd.* [History of Latinized Armenian, 15th–18th cc.]. Yerevan: Nairi, 2010. (In Armenian).
- Muradyan 2024 — *Muradyan G. Hromeakan anunnerë hayerenum* [Roman names in Armenian] // *Nurb ew layn greank': Tonagir, nvirvats Erna-Manea Shirinyani 70-amyakin* = Subtle and wide writings: Festschrift in honour of Erna Manea Shirinyan's 70th anniversary / Ed. by V. Ter-Ghevondyan et al. Yerevan: Matenadaran, 2024. P. 215–221. (In Armenian).
- Redondo 1976 — *Redondo A. Antonio de Guevara (1480? –1545) et l'Espagne de son temps: de la carrière officielle aux oeuvres político-morales*. Genève: Droz, 1976.

References

- Aramyan, A. G. (2016). Gabriel Amazaspian — perevodchik “Zolotoi knigi Marka Avreliia” (XVIII v.) [Gabriel Hamazaspyan — translator of “Golden Book of Marcus Aurelius”

- (XVIII cent.]. *HH GAA Lraber hasarakakan gitut'yunneri*, 2016(3), 216–225. (In Russian).
- Aslanian, S. (2011). *From the Indian Ocean to the Mediterranean: The global trade networks of Armenian Merchants from New Julfa*. Univ. of California Press.
- Avalle-Arce, J. B. (1962). Antonio de Guevara y la tradición humanista del siglo XVI. *Revista de Filología Española*, 144, 97–132.
- Bakhchinyan, A. (2017). The activity of Armenian merchants in international trade. In So Yamane, & Norihiro Naganawa (Eds.). *Regional routes, regional roots? Cross-border patterns of human mobility in Eurasia* (pp. 23–29). Hokkaido Slavic-Eurasian Research Center.
- Bayburtyan, V. (2004). *International trade and Armenian merchants in the seventeenth century*. Sterling Publishers.
- Blanco, E. (1998). Ficción, moral y retórica en Antonio de Guevara. *Bulletin Hispanique*, 100(2), 475–514.
- Castro Díaz, A. (1980). La investigación histórica sobre Antonio de Guevara y la obra de Augustin Redondo. *Cuadernos Hispanoamericanos*, 358, 45–75.
- Hambardzumyan, V. (2010). *Latinaban hayereni patmut'yun, 15–18-rd dd.* [History of Latinized Armenian, 15th–18th cc.]. Nairi. (In Armenian).
- Muradyan, G. (2024). Իրոմեական անւոներէ հայերում [Roman names in Armenian]. In V. Ter-Ghevondyan et al. (Eds.). *Nurb ew layn greank': Tonagir, nvirvats Erna-Manea Shirinyani 70-amyakin* (pp. 215–221). Matenadaran. (In Armenian).
- Muradyan, G. S. (2025). Armianskaia grammatika Ovannesa Krnetsi († 1347) i ee latinskies istochniki [The Armenian grammar of Yovhannēs K'ṛnec'i († 1347) and its Latin sources]. *Voprosy jazykoznanija*, 2025(3), 130–144. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2025.3.130-144>. (In Russian).
- Redondo, A. (1976). *Antonio de Guevara (1480?–1545) et l'Espagne de son temps: De la carrière officielle aux oeuvres político-morales*. Droz.

Информация об авторе

Анжелика Суреновна Хачатрян
гид-переводчик, Институт древних
рукописей им. Месропа Маштоца
(Матенадаран)
Республика Армения, 0009, Ереван,
пр-т Маштоца, 53
✉ khachatryan.anzhelika@list.ru

Information about the author

Anzhelika Surenovna Khachatryan
Guide-Interpreter, Mesrop Mashtots
Institute of Ancient Manuscripts
(Matenadaran)
Republic of Armenia, 0009, Yerevan,
Mashtots Ave., 53
✉ khachatryan.anzhelika@list.ru